

Франциска Гем

о

Сёстры-вампирши

Приключение что надо

Перевод с немецкого
Татьяны Хабатниковой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

Вашей попе — крышка

Эльвира Тепез зажала под мышкой пять унитазных крышек, повесила сумочку на плечо и поцеловала на прощанье мужа. Его чёрные усы, похожие на лакричные спирали, приятно щекотались.

— Пока, мой дорогой Михай. Приятного сна!

Михай Тепез стоял на лестнице, ведущей в подвал, и улыбался жене. Когда дверь захлопнулась, он зевнул. Было уже почти десять часов утра. Самое время ложиться в гроб. Господин Тепез медленно спустился по лестнице. Кто бы мог подумать, что он так быстро привыкнет к своему новому дому! Хотя тоска по родине по-прежнему давала о себе знать. Он скучал по густым лесам Трансильвании, по своим друзьям и родным — скучал по настоящей вампирской жизни.

Прошёл уже почти месяц с тех пор, как мебельный фургон из Трансильвании заехал в Липовый тупик. Михай и Эльвира Тепез переселились вместе с дочерьми Сильванией и Дакой в дом № 23. Михай Тепез, второй сын почтенной вампирской семьи из деревни Бистрин, обустроился здесь в подвале вместе с гробом, органом и беговыми тараканами. Не вполне по собственному желанию.

Эльвира Тепез заняла на верхнем этаже не только спальню, но и одну из детских, изначально предназначенную для Сильванией. Где-то надо было складировать 250 крышек для унитаза, выгодно приобретённых в Румынии. Несколько дней назад она открыла свой

собственный магазин в центре Биндбурга — «Крышки унитазов».

Это был первый такой магазин в городе. Возможно, даже во всей Германии. А то и во вселенной. Сильвания и Дака помогали матери готовиться к открытию. Они наклеили на витрину рекламный слоган госпожи Тепез: *«Персональный унитаз на заказ! Вашей попе — крышка!»*

Для наглядности госпожа Тепез расписала несколько крышек как образец художественного оформления. Они висели на стене маленького магазина словно выставочные экспонаты в музее. Открытие было успешным. Сперва пришли только члены семьи Тепез, бабушка Роза и дедушка Густав, а ещё арендодатель помещения — доктор Петер Штайнбрюк с дочерью Хелене. Но потом в необычный магазин стало заглядывать всё больше любопытных.

Госпожа Тепез тут же получила первые заказы: одному мужчине хотелось плюшевую голубую крышку, подходящую к коврику в ванной, а женщина попросила расписать стульчак мармеладными мишками, чтобы отучить сыночка от горшка и приучить к унитазу.

Госпожа Тепез была довольна — довольна своим магазином, переездом на родину и мужем, который ещё раз по всей форме извинился перед господином Штайнбрюком за тот ночной прилёт, когда в порыве ревности попытался укусить господина доктора. Самой госпоже Тепез тоже пришлось выпить с господином доктором немало кофе, чая и шорле, чтобы убедить арендодателя в том, что её муж не представляет опасности для него. Теперь он, по крайней мере, считал, что Михай Тепез всего лишь страдает неизученным психическим расстройством: патологической ревностью, которая осложнялась желанием кусаться.

Будь на то воля Михая Тепеза, он бы прямо сказал: он вампир! И гордится этим. Он терпеть не мог притворства. Но он пообещал Эльвире. Она верила в то, что существуют охотники на вампиров, и опасалась, если люди узнают, что её муж — вампир, а их дети — полувампиры, все либо разбегутся, либо набросятся на их семью. А ведь в Трансильвании люди, вампиры и полувампиры мирно уживаются друг с другом. Ну хорошо, пусть не совсем мирно. Случается, что исчезает какой-нибудь неосторожный человек. Но ведь он сам виноват, нечего было зевать!

Михай Тепез закрыл дверь подвала, улёгся в свой гроб, на дно которого была насыпана родная земля, и сделал глубокий вдох. Он закрыл глаза и представил, как летит со своим братом Владом над лесами Трансильвании, над бурными ручьями и скалистыми ущельями. Они с наслаждением поедали мух, которые сами залетали им в рот. Ветер трепал чёрные как смоль волосы Михая, а братья летели всё быстрее, всё быстрее — прямо к полной луне...

— Папа!

Кто-то громко стучал в крышку гроба. Михай Тепез застонал. Пришлось распрощаться со сладким сном, с Владом, луной и лесами Трансильвании. Он открыл глаза и толкнул крышку гроба:

— Что?

Его дочь Дака, родившаяся на семь минут позже своей сестры-близнеца Сильвании, протянула ему телефонную трубку.

— Дядя Влад.

Господин Тепез причесал волосы пальцами.

— Что, опять?

Дака кивнула.

— Среди бела дня?

Дака опять кивнула.

Делать нечего, господин Тепез взял трубку.

— Спасибо, — сказал он и успел погладить Даку по ключей причёске.

Только вчера ночью Михай Тепез переписывался с братом. А позавчера ночью они каждые пять минут перекидывались эсэмэсками. У господина Тепеза до сих пор болели большие пальцы от этой переписки. Похоже, Влад в Трансильвании тоже сильно скучает по младшему брату, как и господин Тепез в Германии — по старшему.

— Хой, Влад! — сказал Михай в трубку. Разговор, конечно, шёл на вампирском диалекте, одном из самых сложных и старейших в мире. Влад осведомился, как семья, потом пожаловался на соседа, который целыми днями играет на органе (к тому же плохо), и в конце концов подобрался к своей любимой теме: мировой революции вампиров всех стран.

Михай Тепез был прекрасно информирован об этой революции из прошлых разговоров, поэтому и не особо вслушивался. Он снова улёгся в гроб, держа телефон возле уха, закрыл над собой крышку и время от времени бормотал: «Ага, ага». Господину Тепезу хотелось спать. Его ночные смены в качестве судмедэксперта в институте судебной медицины оказались труднее, чем он предполагал. Главным образом оттого, что наряду с основной работой ему приходилось ещё думать о том, как бы незаметно стянуть себе домой в морозильник несколько ампул вкусной консервированной крови.

Дака снова ушла наверх. Она уселась рядом с сестрой на кроваво-красный диван в гостиной и поставила босые ступни в кошачий лоток. Лоток принадлежал господину Те-

пезу, и дно его было покрыто родной землёй, чтобы набираться от неё сил.

Сильвания читала свежий номер журнала для девочек.

— Фумпс!* — воскликнула она. — Фиолетовый вышел из моды, сейчас в тренде вишнёвый. — Она в ужасе уставилась на свои ногти, покрытые фиолетовым лаком.

— Да уж, впору пальцы отрубать. — Дака закатила глаза.

— Кстати, панковский стиль теперь тоже антитренд, — не осталась в долгу Сильвания, кивнув на причёску сестры, похожую на морского ежа.

— Среди людей разве что.

Сильвания вздохнула:

— Эй! Доброе утро! Мы и есть теперь среди людей.

— И что с того? Я всё равно наполовину вампир. — Дака провела языком по своим острым клыкам. Пора было делать дентикюр: подпиливать клыки. Она вскочила и принесла из ванной пилку для зубов. Села обратно на диван и принялась наводить красоту. Скрежет стоял ужасный.

Сильвания скривилась:

— Это обязательно делать сейчас?

Дака отставила пилку:

— Дентикюр. Радикальное правило номер семь.

Госпожа Тепез установила для дочерей семь радикальных правил. Эти правила, например, запрещали полувампирам летать при свете дня, телепортироваться, есть живое и предписывали дентикюр и защиту от солнца. Обычно Дака не слишком строго придерживалась радикальных правил, разве что ей больше нечем было заняться или она хотела позлить сестру.

* Здесь и далее перевод с диалекта вампваниш: Чёрт!

— Тебе обязательно подпиливать зубы посреди гостиной... — Сильвания наклонилась, чтобы посмотреть на дверь террасы. — Где тебя может увидеть кто угодно?

— Ты про этого компостного типа? — Дака отмахнулась. — Он не объявлялся уже несколько дней.

Дирк ван Комбаст, ближайший сосед семьи Тепез, действительно в последние дни как сквозь землю провалился. При том что раньше регулярно проезжал по Липовому тупику на своём серебристом спортивном автомобиле, со свежим загаром и новой укладкой.

— Может, у него длительная командировка? — размышляла вслух Сильвания.

— Скажи уж, ты скучаешь по нему!

Сильвания бросила на сестру сочувственный взгляд. Надо же, как много могут значить семь минут разницы в возрасте! Дака ничего не смыслила в мужчинах, любви и других фундаментальных вещах.

— Если я нахожу, что он потрясающе выглядит, это во все не значит, что я по нему скучаю.

— А может быть, после истории с Раттатуйей он испугался, что папа напишет на него заявление, и решил унести ноги, — предположила Дака.

Господин ван Комбаст нашёл на террасе Тепезов мёртвую крысу. С явными следами клыков на загривке. Господину Тепезу (а это именно он беспечно оставил на террасе останки своего полуночного перекуса) удалось убедить Дирка ван Комбаста, что это домашний питомец их семьи. И что любимца постигла трагическая смерть. Судя по всему, от рук господина ван Комбаста. Он пригрозил соседу заявлением в полицию, после чего тот сбежал. С тех пор Дирк ван Комбаст больше не показывался у Тепезов.

Но Дирк ван Комбаст не отбыл в долгосрочную командировку и не сбежал, испугавшись заявления. В последние несколько дней Дирк ван Комбаст был занят подготовкой к поездке. Он забрал из химчистки свой лучший костюм, забронировал билеты на самолёт и номер в отеле, ещё раз сходил на чистку и отбеливание зубов, упаковал ноутбук и свои дорожные комнатные тапочки. Ноутбук был его памятью, базой с доказательствами.

Два дня назад Дирк ван Комбаст сел на самолёт в Нью-Йорк. Однако город, который никогда не спит, его не интересовал. Он отправился туда не обычным туристом, а приглашённым гостем VI Международной конференции вампирологов. Наконец-то он сможет поговорить там с толковыми единомышленниками.

Перед тем как отправиться на конгресс вампирологов, Дирк ван Комбаст заглянул в психиатрическую лечебницу и попрощался со своей матерью. Кроме неё, как он догадывался, больше никто в Германии не будет по нему скучать.

Сильвания вспомнила про случай с Раттатуйей и захихикала. Затем протяжно зевнула. Дака тут же зевнула в унисон. Сёстры, щурясь, посмотрели в окно, за которым светило солнце.

— И как только люди могут не спать в такую светлоту? Глаза же сами слипаются, — сказала Дака.

Сильвания в подтверждение ещё раз зевнула и прикрыла рот рукой:

— Эти бессонные дни по-настоящему напрягают.

— Мне никогда не привыкнуть, что день — это ночь.

— Хорошо папе, ему повезло с работой. Но в школе ради нас одних никто не станет вводить ночные смены, — вздохнула Сильвания.

— Ну хотя бы на этой неделе удалось поспать на истории и географии.

Это случилось не потому, что уроки были слишком скучные или учитель проводил эксперимент по усвоению материала во сне. Господин Мартин Грауп — классный руководитель седьмого «Б», а также учитель истории и географии — всю последнюю неделю пропустил по болезни. А всё потому, что ему на голову прямо с неба упала медовая дыня. Вместо истории и географии у седьмого «Б» в это время было то, что называлось «тихими самостоятельными занятиями». Дака и Сильвания восприняли это «тихие» слишком буквально. С их парты то и дело доносилось посапывание. Если бы Хелене их не разбудила, они бы проспали до заката.

Хелене Штайнбрюк, дочь доктора Петера Штайнбрюка, была новой, единственной и лучшей подругой Сильвании и Даки. По крайней мере, почти. Хелене доверила сёстрам свою тайну: она носила слуховой аппарат, который скрывала под длинными светлыми волосами и о котором никто в классе не знал. Дака и Сильвания пообещали никому не говорить. Но ведь они пообещали при этом открыть Хелене свои тайны. Хелене наблюдала за сёстрами и заметила, что они не совсем нормальные. К тому же Дака однажды заснула в спортзале, повиснув вниз головой на брусках, а Сильвания грохнулась с гимнастического бревна из-за острой недостаточности родной земли. Совершенно нормальные события. Для полувампиров.

До тех пор, пока сёстры не поделятся своим секретом с Хелене, они не могут считаться настоящими подругами. Это понимали и Сильвания, и Дака. Ведь настоящие подруги доверяют друг другу. Но поделиться такой тайной в школе было бы слишком опасно. Во-первых, меша-

ли учителя, которые на уроке постоянно задавали вопросы, во-вторых, мешали Шкаф и Вешалка. Это были Лукас Глётнер, воображавший себя монстром, и Рафаэль Зигельман, любимчик учителей.

Но больше всего мешал Людо Шварцер. Он, словно пантера, бесшумно крался по коридорам школы, неожиданно возникал около двойняшек и таранился на них своими загадочными глазами цвета охры, пугая сестёр до мурашек по коже. Если уж Сильвания и Дака были не вполне нормальными, то Людо Шварцер и подавно.

Крысы

Эльвира Тепез стояла в спальне перед зеркалом и вдевала в уши свои любимые серёжки. Они походили на две большие слезы и были того же цвета, что и её глаза — синие как ночь. Михай привёз их ей когда-то из Дамаска, куда летал в гости к своим родственникам.

Михай Тепез бесшумно подкрался к жене:

— Ты так хороша, так бы прямо и укусил!

Эльвира вздрогнула. Она не слышала и не видела, как подошёл муж. Даже и сейчас, когда он стоял у неё за плечом, она отражалась в зеркале одна. Госпожа Тепез резко повернулась к нему и пристыдила:

— Михай!

Михай Тепез ухмыльнулся. Его чёрные усы, закрученные лакричными спиральками, завились ещё больше, а белые клыки сверкнули. Он любил пугать жену. Раз уж ему нельзя было её укусить.

— Ну а я достаточно хорош для тебя? — спросил он, поправляя свою ярко-красную бабочку — единственное цветное пятно на фоне чёрной рубашки, чёрного жилета и чёрного фрака. Цветное — это всё дамские штучки, полагал господин Тепез.

Эльвира встала на цыпочки и поцеловала мужа. С тех пор как они помирились после того «кусачего» приступа ревности господина Тепеза, они постоянно ворковали как голубки. Сильвания находила это умильным. Дака — утомительным. Господин Тепез подарил жене билеты в те-

атр по её выбору. Эльвира Тепез выбрала субботний вечерний спектакль «Крысы» по Герхарду Гауптману. Михай Тепез счёл название многообещающим.

Когда родители прощались с дочками в дверях, Дака одобрительно подняла большой палец вверх и воскликнула:

— Бой!

— Вы прекрасно выглядите, — выразила Сильвания то же самое другими словами.

Эльвира Тепез просияла, а Михай Тепез картинно откинул назад свою чёрную как смоль гриву, как будто сам собирался выйти на сцену.

— Так, ну, вы знаете... — начала госпожа Тепез.

— Да знаем, всё знаем, мама, — перебила её Дака. — Не летать в центр города, никого не кусать и не напиваться крови.

Эльвира и Михай Тепез кивнули.

— А если всё-таки придётся, то заранее позвонить, — дополнила сестру Сильвания. Но, увидев в глазах матери испуг, быстро добавила: — Шутка.

Михай повёл Эльвиру к своей первой большой любви: бутылочно-зелёной машине марки «Дачия». Он открыл пассажирскую дверцу и усадил Эльвиру. Затем захлопнул дверцу так сильно, что было слышно всему кварталу. Только так она ещё закрывалась. «Дачия» была лишь на пару лет младше самого господина Тепеза. Пока Михай садился за руль, госпожа Тепез пыталась опустить стекло, которое, как обычно, немного заклинивало.

— Хорошо вам там отдохнуть с крысами! — сказала Сильвания.

— Потом обязательно зайдите куда-нибудь поесть и выпить, — посоветовала Дака. — О нас не беспокойтесь.

Эльвира Тепез кивнула, но в глазах её мелькнуло сомнение. Хорошая ли это была идея — оставить девочек дома одних? Им всего двенадцать, совсем ещё дети. Да и в Германии они недавно. К тому же они полувампиры, в окружении людей.

— Может, нам всё же следовало спросить дедушку Густава или бабушку Розу, — сказала Эльвира, когда «дача» уже тархтела вдоль Липового тупика.

— Спросить, не хотят ли они присмотреть за двумя почти взрослыми полувампирями? — Господин Тепез покачал головой. — Ты же знаешь, у твоих родителей свои планы на сегодняшний вечер.

Дедушке Густаву нужно было на стадион. Играл его спортивный клуб — ФК «Биндбург». В прошлом сезоне ему чуть-чуть не хватило до чемпионского титула. Так же, как и во все предыдущие сезоны. Но дедушка Густав был уверен, что в этом-то сезоне обязательно получится. Причина проигрышей была не в нём. Он-то не пропустил ни одной игры и страстно болел за свою команду.

А у бабушки Розы была сверхурочная работа в музее. На этой неделе открылась новая выставка: «Японское искусство эпохи Эдо» — самая значимая по масштабам, которую когда-либо устраивал Дворец искусства Биндбурга. Бабушка Роза проводила там экскурсии.

— Кроме того, — добавил господин Тепез, сворачивая на автомагистраль, — что уж такого могут натворить наши девочки?

Мулы и Спайдервумен

Когда в театре поднимали занавес, а господин и госпожа Тепез выжидательно смотрели на сцену, в нескольких километрах к северу, в доме № 23 по Липовому тупику раздался звонок в дверь.

Дака выпрыгнула из гроба, подвешенного на цепях наподобие лодки-качелей, и эту лодку стало болтать, будто она попала в атлантический шторм.

— Это она!

Сильвания быстро затолкала в рот последний кусок венской сосиски и побежала за сестрой вниз по лестнице. После неудачной попытки стать вегетарианкой Сильвания снова перешла на полнокровное мясо.

Дака распахнула входную дверь:

— Привет!

— Хой бой! — Хелене засмеялась и влепила сёстрам по щелбану, они ответили тем же.

«Хой бой» были первыми словами Хелене на вампирском. Это означало что-то вроде «полный порядок». Правда, Хелене ещё не знала, что это был вампирский язык. Она даже не догадывалась, что такой язык существует.

Перед этим Сильвания и Дака долго думали, обсуждали, снова думали и снова обсуждали. Они обдумали всё вдоль и поперёк, стоя, лёжа, отвисая и в полёте. Сидя тоже. Они думали, не спросить ли совета у мамы. Но зачем? Она бы не разрешила. Совершенно точно. Они думали, спросить ли папу. Но зачем? Он бы разрешил. Совершенно

точно. Это бы им ничем не помогло. Разве что испортило: родители из-за этого могли опять поссориться. А ведь они только что помирились!

Наконец они пришли к выводу: если Хелене не знает, что они полувампиры, если они ей недостаточно доверяют, чтобы выдать свою тайну, то какие же они тогда подруги? Какие угодно, но только не настоящие и не лучшие.

А на меньшее они были не согласны. И поэтому решили пригласить Хелене к себе домой в субботу вечером и всё ей рассказать, пока родители смотрят «Крыс». Они предусмотрительно умолчали об этом приглашении. Пусть родители наслаждаются спектаклем, не беспокоясь о том, что в их доме чужой человек, который по ошибке может забрести в подвал и наткнуться там на гроб.

— Входи, — сказала Сильвания и повела гостью наверх в их общую комнату.

— Кру-у-уго! — восхитилась Хелене, когда увидела кровать Даки. Это был старый гроб, который Дака вместе с дядей Владом как попало разрисовали и подвесили на четырёх цепях к железному каркасу. — Это лодка-качели?

Дака почесала за ухом:

— Ну вроде того.

— Можно мне залезть?

— Конечно!

Хелене на мгновение замерла, уставившись на чёрное постельное бельё с рисунком в виде белых личинок и на подушку в форме огромного мохнатого паука. Но быстро справилась со своими чувствами, покачалась в гробу и осмотрелась в комнате.

— Крутая вешалка, — одобрила она сухое дерево, на сучья которого Сильвания вешала свои шляпы. Взгляд Хелене дошёл до верхушки дерева и упал на потолок.